

Николай Лесков

Бродяги духовного чина

Николай Лесков

Бродяги духовного чина

«Public Domain»

1882

Лесков Н. С.

Бродяги духовного чина / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1882

«Недавно в Локацинском погосте, близ Полтавы, скончался скромный литературный труженик и всякого почтения достойный человек, Иван Данилович Павловский. Он был большой любитель церковной истории и тщательный собиратель исторического материала, какой только попадался ему под руку...»

Николай Лесков

Бродяги духовного чина

Характерное явление

церковной жизни XVIII века

*Того отцы попы, чернцы, не минули шляху,
Философы, крутопопы набирались страху.
Черноморская «вириша» Потемкину.*

Недавно в Локашинском погосте, близ Полтавы, скончался скромный литературный труженик и всякого почтения достойный человек, Иван Данилович Павловский. Он был большой любитель церковной истории и тщательный собиратель исторического материала, какой только попадался ему под руку. Перед последним отъездом своим из Петербурга в Малороссию, куда Павловский отправлялся уже без надежды на выздоровление, он оставил мне «охапку шпаргалов», собранных им где-то в Полтаве, и просил со временем разобрать эти бумаги и не дать затеряться в безвестности тому, что в них может оказаться достойного общественного внимания, а «наипаче любителей русской церковной истории».

Исполняя просьбу моего покойного приятеля, я пересмотрел «охапку» и нашел в числе переданных мне бумаг немало любопытного, хотя это все по преимуществу клочья и отрывки, касающиеся очень разнообразных предметов. Самое цельное составляют листы, очевидно вырванные из переплетенной копиями книги, в которую полностью вписывались указы, полученные полтавским «всечестным протопопом Евстафием Могилянским из киевской митрополии». Указы обнимают время с 1743 по 1780 год, т. е. всего кряду тридцать семь лет весьма интересной в жизни России эпохи XVIII столетия, и любопытны не менее, например, чем краткие выборки из «Книжной судебной книги», сохраненной киевским профессором Антоновичем и отпечатанные в «Киевской старине», или «Известия об излишних монахах», выводимые в том же издании профессором киевск. дух. академии Ф. Терновским. Все указы названной версии помечены на маржах кратко словом «о сиску», т. е. о розыске беглых людей, или, как они в самых указах названы, «бродяг духовного чина». Пометы эти, вероятно, сделаны рукою самого «всечестного протопопа Евстафия», а может быть и чьею другою, но это, впрочем, не важно.

Бумага толстая, сине-серая и значительно обветшавшая, чернила порыжелые, почерка, главным образом, два, — оба составляют переходную манеру от полоустава к скорописи. Один довольно красив, оба нечетки.

Я подобрал цельные указы «о сиску» и уцелевшие обрывки по годам и делаю из них выписки в хронологическом порядке, дабы можно было наглядно себе представить, как шло и развивалось в духовном чине такое любопытное явление, как бродяжество, составляющее весьма характерную черту того времени, когда было «строго и благочестиво». Текста самых указов я не привожу, потому что он не представляет ничего интересного.

Обыкновенные духовно-канцелярские вступления по одной формуле, а потом поименование беглецов с указанием их примет и времени их побега, а в конце предписание «всечестному протопопу смотреть тех беглецов накрепко и, заковав в кандалы или забив в колодки, посылать их туда, откуда они бежали, — или же в консистории, а иногда и в святейший синод».

Я выписываю из указов «о сиску» только имена, сан и приметы лиц духовного чина, которые пронесли в своей жизни крест добровольного скитальчества и тревожили свое начальство, пускаясь бродяжить. При этом я отмечаю, где есть след, — при каких обстоятельствах произошел побег и какого возраста были эти искатели приключений в ту пору, когда они реши-

лись предпочесть мирную жизнь святых обителей случайностям увлекательной, но тревожной жизни бродяг. Кроме того, присовокупляю более или менее интересно определяемые приметы, по коим духовных бродяг надлежало «смотреть накрепко, ловить и заковывать». Мне кажется, что более подробные выдержки из указов «о сиску» были бы утомительны и неинтересны, а то, что я извлекаю и записываю, по моему мнению, непременно должно составить живой интерес для всякого любителя исторической правды, которую постоянно есть охотники затемнять предосудительною и вредною тенденциозною лживостью. Так как это злое настроение в наши дни особенно ожесточилось и появляется много писаний, авторы которых беззастенчиво стремятся ввести мало знающих историю людей в заблуждение, представляя им былое время и былые порядки в ложном свете, дабы таким образом показать старину, как время счастливое и прекрасное, к какому, будто бы, следует желать возвратиться, то и со стороны людей, уважающих истину, имеющую свою цену «на каждом месте и о каждой добе», должно быть представляемо общественному вниманию, какие явления имели для себя место во времена былые.

Известия о «бродягах духовного чина» показывают такие черты клировых нравов русской церкви, которые, кажется, должны и могут служить убеждениям, совершенно противоположным с теми, какие внушают люди, слепо пристрастные к «святой» старине и, может быть, недостаточно основательные в своих стремлениях повернуть неудержимое течение жизни к порядкам старой и слишком скоро позабытой, но нисколько не лучшей поры.

Хотя известия «о бродягах духовного чина» здесь подаются в случайном и, конечно, крайне ограниченном размере и, разумеется, составляют, вероятно, только самую незначительную долю всей группы случаев этого рода, – однако, тем не менее, и по такой малой доле читатель будет в состоянии себе представить настоящие, а не поддельные и притом весьма яркие картины былого.

За сим начинаю мои выписки: «попы, чернцы, философы и крутопопы, набираясь страху, мандруют до шляху».

Шествие открывается «попом».

В марте 743 года из Святогорского монастыря «бежал поп Андрей Шапкин, содержащийся в монастыре по некоторому секретному делу, – лица белого и громогласен». Его велено «смотреть накрепко» и по поимке «отослать скованна в белгородскую консисторию». А 30-го июля того же года из Красногорского монастыря «бежал поп Андрей Григорьев, на обличье смагловат, побит воспою, волосов скулих, мови грубой, малохрипливой, лет ему 50, бежал ночью». «Прислать скована».

Порою «утекательство» попов, иноков и инокинь ожесточалось до того, что они поднимались станом из разных монастырей, как бы скликнувшись, чтобы всем бежать вместе в одно время и на условный пункт. Так, в 1743 г. сразу бежали и в одном указе объявлены: 1) Козельского монастыря монах Мелетий Стоецкий, «волосов малих, а глазов больших, лица кругопятого»; 2) иеромонах Варлаам Климов, «мови тонклявой»; 3) из монастыря Полтавского иеродиакон Сильвестр Кульчинский, лет 30; 4) из Гамалеевского монастыря иеромонах Никифор, носа не великого и острого, мови швидкой, 34 л.; 5) из Глуховского монастыря монахиня Паисия, мови дроботливой и мало гугнивой, глазов серих мало подпухлых, носа долгого, лет 45; 6) из Козелецкого монастыря монахиня Христина, мови повольнодроботливой, носа короткого, лет 40; 7) из Черниговского Троицкого монастыря – иеромонах Иннокентий Шабулявский – в плечах толст, сам собою и руками тегуст (sic), носа острого, щедровит (ряб), бороды не широкой, козлиной (sic), спевает и читает сипко тенором; 8) из Никольского пустынного монастыря монах Исаия Куновецкий – сухопрудий (sic), око правое вейкою (sic) толсто заплыло, лет 22; 9) из Успенского монастыря иеромонах Антоний Усманецкий, 57 лет, мови грубой; 10) монах Исаия, 31 года, без пальца на руке; 11) монах Иосей кузнец, росту малого, 40 лет; 12) Анастасий Хватовец – 31 года; 13) Калист Загоровский, русый, слащеватый, 30 лет. Всех их повелевалось

«искать накрепко» и пр., но сыскан ли кто – неведомо. Ведомо только, отколь они пошли, но никто не знал, где они сосвядятся. Это дает целые картины, которые представляются воображению всякого, кто слышал хотя что-нибудь о таковых бродягах, ходивших «становищами», особенно по Карачевскому и Трубчевскому полесьям, Орловской губернии, перед самым тем временем, как сформировалась известная разбойническая шайка Тришки.

Здесь достойно замечания, что все бродяги-монахи по летам моложе одновременно с ними бежавших и по одному указу разыскиваемых монахинь. Исключение представляет один Антоний «грубой мови». На Десне рассказывают, что «перед Тришкою» за год ходило по лесам «компанство» духовных с своими конями и возами, т. е. телегами и жинками. Они стояли становищем «як заправьски цыганы» и для довершения сходства с сими последними «ловили по селам кур и гусей и свиней били и смолили». Все черницы или жинки были старше монахов «опричь одного, который был як тур с Беловежи: той всем молодым чернецам по чернице дал, а некоторым на двух одну, а сам вроде игумена був и особой жинки соби не тримал, а всех себе на покуты брав (на покаяние) и бабы его против всех молодых чернецов боялись, и которой он велел, та с ним ту же минуту шла каяться в его холщовую повозку на долгих дрогах». На этой повозке у него был белый «плаг со крестом, вроде как на походной церкви». Они тоже служили какие-то службы, пели псалмы за усопших и пошаливали на проезжих, а потом передрались и «рубалися топорами», и позже вдруг никому не заметно снялись и уехали по осени. А весной, когда растаял снег и дивчата пошли рвать ландыши, то нашли недалеко от бывшей стоянки во рву под сухою листвою убитую черницу, «пополам перерубанную» и цинически набитою в нижней части тела еловыми шишками. Об этом все знали, и все молчали, «пока черница сгнила, или волки ее съели». А потом «пошел Тришка», о котором крестьяне северных мест Черниговской и прилегающих уездов Орловской губернии мнения не худого «за те, що вин хотив усих ровными зробить и заможных (т. е. богатых) разорял, а бедных награждал».

«Консистерия преосвященного Антонина, митрополита белгородского и обоянского», в июне 1744 г. за № 1,006, «разыскивала бежавшего безвестно вдового попа Ивана Карпова, который с женкою Ириною жил прелюбодейно. Ростом высок, лет тридцати». Его предписано «смотреть, поймать, заковать» и прочее по установлению. А сряду за № 1,010 владыка Антонин просит киевского митрополита Рафаила Зборовского «смотреть, заковать» и прочее многих «монастырских утекенцов», а именно, «утек иеродиакон Паисий, лет 30, тонок и скудобрад, иеромонах Евлампий, лица смаглеватого, мови скорой, лет 50, спевает тенора, Златоверхого Михайловского монастыря иеромонах Вениамин, мови громкой; да иеромонах Иосаф, носа незадолго, очей малосерих (sic), а мови тихой; да монах Корнилий Капустинский, роста невеликого, а лица долгого и носа большого, ко рту похилистого, бровь белых, художества малер. Кирилловского монастыря иеромонах Алимпий – рыжеус и мови бойковатой, да иеродиакон Климент, 22 лет, мови покладливой, да монахи; Антоний, волосов рыжих, глазов кривых, малограмотен; да Даниил, лет около семидесяти (!), да монахини девичьих монастырей: Киево-Иорданского монахиня Анна, росту среднего, очей карих, мало насупленных, лица смаглеватого, носа керпатого, на правую ногу хрома, глуповата, лет ей 57» (вообще не красавица). «Другая Анна, 30 лет, бров черных, очей серых, носа керпатого, лица ямоватого, грибоватого, опухлого» (тоже не увлекательна); «да монахиня Фотинья, лица долгого, 54 лет; да иеромонах Исаия, да монах Авсентий, телом толст, ходит сутуловато, горбат, полной природы; да монах Митрофан, росту невысокого, волосов на голове продолговатых, черных, лица черноватого, бороды колковатой (sic)». Всех их смотреть, ковать и проч.

Пускались бродяжить и протопопы, так, в 1747 году бывший карповский протопоп Василий Трипольский «за неотдачу в консисторию бытия своего в городе Карпове и уезде сборной ее императорского величества денежной казны окладных с церковей и неокладных с венеčných памятей двести тридцати восьми рублев сорока девяти копеек от священно-служения запрещен и в том обязан подпискою», а потом «безвестно бежал». Лет ему 45.

В 748 году сряду публикуются два побега, из коих один интересен по личности беглеца, а другой – по обдуманности и запасливости бежавших. Во-первых, бежал из ставропигиального Симонова монастыря сам игумен Нефитес (в другом месте документа назван Феофилом), позванный в синод «по некоторому делу», а во-вторых, в «киевской катедре иеромонах Гедеон, подманивши с собою послушника монастыря Катедровского Василья Борзовского и взявши с собою пару монастырских лошадей с хомутом, полушорком и сани со всею упряжью, тако ж и квитанции, которые надлежали до шафарской конкуленции и городничества позабравши, безвестно бежали». У иеромонаха Гедеона «борода с обширностию», а послушник Василий «на глаза низок». Оба «речи дроботливой».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.